

ГОСПОДЬ ПЕРЕД СУДОМ ПИЛАТА

И поднялось все множество их, и повели Его к Пилату (Лк. 23, 1).

Обвиняемого в богохульстве, по иудейским законам, побивали камнями. Иисуса дважды хотели побить камнями во время Его последнего прибытия в Иерусалиме, но Он отвел от Себя эту казнь. Чтобы искупить людей на Кресте, сделать Крест орудием победы над диаволом, необходимо было пройти через язычников, каковыми были римляне. Сам Господь говорил ученикам, что *предадут Его язычникам на поругание и биение и распятие* (Мф. 20, 19).

Господа иудеи не могли сами предать смерти, так как смертный приговор, вынесенный синедрионом, должен был быть утвержден прокуратором на основе римского закона.

Имя прокуратора было Понтий, прозвание «Пилат». Видимо, он ранее начальствовал в особом роде римских войск, по оружию своему — pilis — называемых «пилатами». О Пилате довольно много рассказывает иудейский историк Иосиф Флавий. В его 18-й книге «Иудейские древности» говорится, что Пилат был назначен наместником Иудеи после Валерия Грата. Биографию Пилата писал в том числе и ученый грек Гермидий, занимавший официальную должность биографа правителя Иудеи. Его сообщения заслуживают особого внимания. Гермидий резко выделяется своей манерой изложения. Этот человек не способен был поддаться каким-то впечатлениям, удивляться, увлекаться. По определению известного историка Жебелева, «он с беспристрастной точностью фотографического аппарата повествовал обо всем».

Пилат все хотел делать по закону. Это был римский бюрократ, скептик, не лишенный философских интересов, ибо он в дальнейшем и сформулировал на все века основной философский вопрос «что есть истина?» Он не был ни кровожаден, ни садистичен, к иудеям относился равнодушно, даже чуждался их, но иногда питал непримиримую ненависть к народу, управляемому им, в особенности же к религии и обрядам его. Была в нем и честность и даже некоторая высокомерная гуманность. Когда претор Иудеи Пилат повел свое войско из Цезареи в Иерусалим на зимнюю стоянку, он решил для надругания над иудейскими обычаями внести в город изображения императора на древках знамен. Между тем закон возбранял иудеям всякие изображения, поэтому прежние преторы вступали в город без таких украшений на знаменах. Пилат был первым, кто внес эти изображения в Иерусалим. Но иудеи предпочитали умереть, чем допускать такое наглое нарушение мудрого закона. Пилат изумился их стойкости в соблюдении законов, приказал немедленно убрать из Иерусалима (императорские) изображения и доставить их в Цезарею. Затем Пилат соорудил водопровод в Иерусалиме, употребив для этого деньги святилища. Однако население воспротивилось, некоторые из них позволили себе при этом оскорбить Пилата ругательствами. Последний распорядился подавить возмущение.

Претория, крепость Антония, куда привели Спасителя, находилась на другом конце города. Эта крепость была самым грандиозным сооружением Ирода Великого в Иерусалиме и названа им так в честь римского тогдашнего правителя Марка Антония. Крепость должна была служить не только оборонным пунктом, но и снабжать город водой на случай его осады. Кроме того, она была резиденцией римских прокураторов, которые обычно находились в приморском городе Кесарии и приезжали в Иерусалим в дни скопления народа для лучшего наблюдения за порядком. Здесь же размещался римский полк воинов. Антония примыкала к северной стене города, вблизи храма.

Апостол Иоанн Богослов повествует, что следовавшая за Иисусом и Его конвоирами толпа не вошла в преторию, чтобы *не оскверниться, но чтобы можно было есть пасху* (Ин. 18, 28). Какое безумие! Когда убивают несправедливо, не думают, что они оскверняются. А войти в судилище считают для себя осквернением! Они остановились на

лифостротоне — на площадке перед дворцом, где, по римскому обычаю, на глазах всех совершалось судебное разбирательство.

Иисус же был проведен воинами внутрь крепости.

Раскопки крепости Антонии, разрушенной Титом в 70 году, обнаружили там внутренний двор, сплошь вымощенный каменными плитами, называемый лифостротон (от греч. «лифос» — камень). В претории прокуратора были и тюремные помещения, где содержались заключенные до вызова в суд или до казни после приговора. Археологи обнаружили и специальное помещение для бичевания: две камеры, обе высеченные в скале. Одна из них площадью в 15 кв. метров и высотой 2,5 метра со специальным оборудованием: каменный выступ, подобный балке, с двумя отверстиями с перемычками, к ним подвязывали руки бичуемого. Такие же отверстия с перемычками были в каменном полу, к ним привязывали ноги так, что человек стоял растянутый наподобие буквы «X». Несомненно, сюда приводили Господа.

В том же помещении была яма — тюрьма для наиболее опасных преступников. А на несколько метров выше была меньшая камера, откуда вызывали обвиняемого на суд. Она была вроде каменного мешка длиной и шириной 1,5 метра, высотой до 2 метров. Вдоль правой стены от входа расположена каменная скамья длиной около полутора метров, шириной около 50 сантиметров и толщиной около 20 сантиметров. Посредине ее два отверстия, через которые пропускались ноги заключенного, а внизу перевязывались. Отсюда и вызывался Христос несколько раз к Пилату. Сейчас в обеих камерах алтари. В этих комнатах Евангельское повествование приобретает страшную наглядность, зримость, осязаемость, конкретность.

Когда Христа привели к Пилату, в дело вступила высокоорганизованная римская государственность. Пилат же, созвав первосвященников, и начальников, и народ, вышел к ним и спросил: *Кую вину приносите на Человека Сего?* (Ин. 18, 29). Поскольку иудеи не могли никакого обвинения выставить, он говорит: *Возьмите Его вы, и по закону вашему судите Его* — возьмите Его сами и, если закон ваш наказывает без вины, то сами и судите. На это они говорят: *нам не позволено предавать смерти никого*. А как Стефана побивали камнями? Говорят же так, зная, что римляне осуждают мятежников на распятие, и желают, чтобы и Господь был распят. *Да сбудется слово Иисусово* о Своей смерти: Он будет распят (Ин. 3, 14) и будет умерщвлен не иудеями, а язычниками (Мк. 10, 33). Когда иудеи сказали, что им не позволено убивать, тогда берут Его уже римляне-язычники и по обычаю своему распинают на кресте.

Теперь перед Пилатом первосвященники и старейшины, только что обвинявшие Иисуса в богохульстве, стараются представить Его опасным для Рима преступником, мятежником: *Сего обретохом развращающа язык наш и возбраняюща Кесареву дань даяти, глаголюща Себе Христа Царя быти* (Лк. 23, 2). Как и писал пророк Давид: *Восташа на мя свидетеле неправеднии; несть во устех их истины, языки своими лъщаху* (Пс. 34, 11; 5, 10). Они надеялись, что Пилат осудит Иисуса на смерть за то, что Он считал Себя Царем Иудейским. Со смертью в 4-м г. до Р. Х. Ирода Старшего титул царя Иудеи был уничтожен. Управление перешло римскому наместнику. Реальное притязание на власть Царя Иудейского по римским законам квалифицировалось как опасное преступление.

Но понятие «Царь Иудейский» имело два различных значения: земное (эти титулы носили реальные, исторические монархи библейской истории) и мессианское. Причина двойного значения заключалась в теократическом устройстве Израиля. Занимавший престол правитель через возлияние на его главу священного елея становился «помазанником Господним», был Его орудием в управлении народом. Подлинным же Царем оставался Сам Бог. И пророки в обетованном Мессии видели грядущего Царя: *Ликуй от радости, дочь Сиона, торжествуй, дочь Иерусалима: се Царь твой грядет к тебе* (Зах. 9, 9). После воскресения Лазаря народ встречал Иисуса Мессию-Царя в Иерусалиме: *благословен Грядый во имя Господне, Царь Израилев!* (Ин. 12, 13). Принимая это законно принадлежащее Ему звание, Иисус отклонял желание людей поставить Его

земным царем, как это было после чуда умножения хлебов (Ин. 6, 15). И так, первосвященники и старейшины народа явились к Пилату с целью погубить Иисуса и умышленно совершили подмену, придав юридический смысл чисто духовному понятию.

Понтий Пилат был уже немало лет властителем над Иудеей. И до него доходили слухи об Иисусе Христе. Он не мог не слышать о чудесах Его, не мог не видеть, как за пять дней до этого Он с учениками и народом спускался с Елеонской горы и въезжал, сидя на осле, в Иерусалим, и весь народ с пальмами и ветками деревьев, вайями, встречал Его как своего Царя, постилал одежды и восклицал: *Осанна! благословен Грядый во имя Господне!* (Мк. 11, 9). Ведь крепость Антония находилась в непосредственной близости храма, а храм — напротив горы Елеонской. Пилат видел злобу иудеев, понимал, что предадут они Его по зависти, ибо знал, что *Человек Сей праведен бе* (Лк. 23, 47).

Пилат вошел в Преторию, дав знак следовать за собой и Иисусу.

И вот Тот, Кто имел власть над небом и землей, Судия вселенной, встал теперь перед судьей-язычником. Виновный Адам скрылся от Судии Бога. Невинный Адам стоит теперь перед судом язычника. За кого? За весь падший род человеческий.

И спросил Его правитель: *Ты ли еси Царь Иудейск?* Отвеща ему Иисус: *О себе ли ты сие глаголеши, или инии тебе рекоша о Мне?* Пилат ответил: *еда аз жидовин есмь? род Твой и архиерее предаша Тя мне: что еси сотворил?* Для представителя Римской империи язычника Пилата, имевшего ясное представление о царской власти, но не знавшего о Царстве Божиим, было очевидно, что гонимый евреями Узник, стоящий перед ним, царем не является. Словами *«еда аз жидовин есмь»* римский судья сказал, что спрашивает не от себя, а от лица обвинивших Иисуса иудеев.

Отвеща Иисус: Царство Мое несть от мира сего — Он не простой человек, но Он Бог и Сын Божий — *аще от мира сего было бы Царство Мое, слуги Мои убо подвизалися быта, да не предан бых был иудеом: ныне же Царство Мое несть отсюда.* Рече же Ему Пилат: *убо Царь ли еси Ты?* Отвеща Иисус: *ты глаголеши, яко Царь есмь Аз. Аз не сие родихся* — т. е. чтобы быть Царем, Я имею это по существу и по рождению от Отца; то самое, что Я родился от Царя, свидетельствует, что Я — Царь, — *и на сие приидох в мир* — чтобы сказать это и научить и убедить всех в том, что Я — Царь, Владыка и Господь, *да свидетельствую истину: и всяк, иже есть от истины, послушает гласа Моего* (Ин. 18, 33—37). — Потому и ты, Пилат, если чадо истины и любишь ее, послушаешь Моего гласа и поверишь, что Я — Царь, но не такой, каковы цари мира сего, имею власть не приобретенную, а природную, присущую Мне по самому рождению от Бога и Царя. А обвиняющие Его иудеи не от истины, потому что не хотят слушать гласа Его; если же не от истины, то и вымыслили на Него все ложно, и Он истинно неповинен смерти.

Пилат, к сожалению, не способен был понять слова Господа; но он был знаком с сочинениями философов, языческих мудрецов, из которых один говорил: «ты царь, если живешь добродетельно». В таком смысле и понял слова Господа Пилат. Как язычник, он не верил, чтобы люди могли познать истину, и потому сказал Ему: *Что есть истина?* (Ин. 18, 38).

Из этой беседы с Господом Пилат окончательно удостоверился, что перед ним Неповинный; он почувствовал, что перед ним не простой Человек, а Царь Иудейский, и хотя Пилат не осознал глубину этой истины, но сердце его не было ожесточено и ум помрачен злобой, как у иудеев, он невольно ощущал силу Божественной личности Иисуса Христа, Самой Истины. И потому, не дожидаясь ответа на свой вопрос «что есть истина?» вышел снова к иудеям и глагола им: *аз ни единыя вины обретаю в Нем* (Ин. 18, 38).

Тогда иудеи с еще большим ожесточением стали клеветать на Иисуса, обвиняя Его во многом (Мк. 15, 3).

По праву суда, обвиняемый должен защищаться, но Иисус Христос не говорил в Свое оправдание ни слова: *И ищущий зла мне глаголаху суетная; аз же яко нем не отверзаяй уст своих* (Пс. 37, 13—14).

Эта противоположность между обвинителями и Обвиняемым была поразительна для Пилата. Тогда говорит Ему Пилат: *Что же Ты не отвечаешь? не слышишь, сколько свидетельствуют против Тебя? И не отвечал ему ни на одно слово, так что правитель весьма дивился* (Мф. 27, 13—14). Молчание Христа на суде — это безмолвие Агнца Божия, принесенного в жертву за наши грехи. Об этом пророчествовал Исаия: *Он был презрен и умален пред людьми, муж скорбен и изведавший болезни, и мы отвергали от Него лице свое; Он был презираем, и мы ни во что ставили Его. Но Он взял на Себя наши немощи и понес наши болезни; а мы думали, что Он был поражаем, наказуем и уничижен Богом. Но Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего было на Нем, и ранами Его мы исцелились. Все мы блуждали, как овцы, совратились каждый на свою дорогу: и Господь возложил на Него грехи всех нас. Он истязуем был, но страдал добровольно и не открывал уст Своих; как овца, веден был Он на заклание, и как агнец пред стригущим его безгласен, так Он не отверзал уст Своих* (Ис. 53, 3—7).

Пилат стал искать средства, если не спасти Узника от смерти, то, по крайней мере, отклонить от себя Его осуждение. И хитрый римлянин нашел это средство. Узнав, что Иисус из области Иродовой, галилеянин, он посылает Его к Ироду, находящегося также в это время в Иерусалиме.

Второй сын Ирода старшего, воспитанный в Риме, став по смерти отца (4 г. по Р. Х.) властителем Галилеи и Переи, во всем старался угодить римским императорам. Построив на берегу Геннисаретского озера новую столицу, он дал ей имя римского императора — Тивериада. Часто проповедуя в городах и весях близ Галилейского моря, Спаситель никогда не входил в Тивериаду. Когда Иисус Христос учил в Переи, к Нему пришли фарисеи и сказали: *изыди и иди отсюда, яко Ирод хочет Тя убить* (Лк. 13, 31). Ирод не желал, чтобы в его области находился Иисус, и послал к Нему фарисеев. Поэтому Он называет Ирода лисицей (Лк. 13, 32). Расслабленный греховной похотью, Ирод вступил в прелюбодейный брак с дочерью своего сводного брата Иродиадой, женой своего брата Филиппа. Обличавшего его великого Пророка и Предтечу Иоанна он заключил в темницу. В разгар пиршеских удовольствий, подстрекаемый Иродиадою, Ирод предал смерти св. Крестителя Господня.

Как тетрарх, Ирод обладал судебной властью и мог справедливо решить участь Узника. Но греховная жизнь, как кислота, разъедает душу и делает человека неспособным сделать добро.

И вот собрались князья иудейские перед Иродом, который величался все еще в народе царем: *предсташа царие земстии, и князи собрашася вкупе на Господа и на Христа Его* (Пс. 2, 2). *И ныне, царие, разумеите, —* возвещал им пророк Давид, *— накажитесь вси судящий земли. Аз же поставлен есмь Царь от Него* (Бога Отца Моего) *над Сионом, горю святою Его, возвещающей повеление Господне. Господь рече ко Мне: Сын Мой еси Ты, Аз днесь родих Тя* (Пс. 2, 10, 6—7). И книжники знали, что так пророчествовал Давид о Христе, однако, не разумея истины, против Него и восстали теперь.

Ирод, увидев Иисуса, очень обрадовался, ибо давно желал видеть Его, потому что много слышал о Нем (Лк. 23, 8). Желал давно видеть, а за три года не сделал ни одного шага, чтобы сблизиться с Великим Чудотворцем! Ирод *надеялся теперь увидеть от Него какое-нибудь чудо* (Лк. 23, 8). Но Господь и здесь является в том величии, как и в начале Своего служения, когда, искушаемый в пустыне, Он с презрением отверг предложение сатаны — употребить в Свою личную пользу дар чудес. Несомненно, Ирод, увидев какое-либо чудо, освободил бы Чудотворца, но творить в угождение Ироду и его царедворцев чудеса значило бы оскорбить Духа Святого, силой Коего они совершались, и повергать святая псам.

Эта пародия на суд закончилась унижением Узника и надсмешением над Ним. Четвертовластник одел Иисуса в белую одежду и отослал Его обратно к Пилату. В белую

(светлую) одежду облекались у римлян кандидаты на какую-нибудь начальственную или почетную должность (само слово «кандидат» происходит от латинского «кандидус», что значит «белый», «светлый»). Одев в такую одежду Господа, Ирод тем самым хотел выразить, что он смотрит на Иисуса только как на забавного претендента на иудейский престол и не считает Его опасным преступником.

Так понял и Пилат. Ссылаясь на то, что и Ирод не нашел в Иисусе ничего достойного смерти, Пилат предлагает первосвященникам, книжникам и народу, наказав, отпустить Его (Лк. 23, 14—15). Два свидетеля, притом один — правитель, а другой — царь, не нашли в Нем никакой вины, и свидетельство их совершенно истинно. Дивно, как побеждает истина! Иисус молчит, а враги сами свидетельствуют в пользу Его. Иудеи кричат, и никто не подтверждает их обвинений.

Пилату все больше хотелось прекратить все это дело и не вдаваться в дальнейшее судопроизводство. Он пошел даже на то, чтобы польстить еврейскому национальному и религиозному чувству, хотя раньше позволял себе оскорблять его (например, внес в храм римские знамена и велел убить в храме несколько галилеян, смешав их кровь с жертвами); а тут он вспомнил, что у этого презируемого им народа Пасха и есть обычай в честь нее отпускать одного узника.

Этот еврейский обычай был утвержден в Риме, где проявляли веротерпимость к религиозным обычаям покоренных народов. *А ему и нужно было для праздника отпустить им одного узника* (Лк. 23, 17). И Пилат миролюбиво уговаривает обвинителей (Евангелие сохранило его интонацию, оставив частицу «же»): *Есть же обычай вам, да единого вам отпущу на пасху: хотите ли убо, да отпущу вам Царя Иудейска?* (Ин. 18, 39). Пилат уже не судил Обвиняемого, ибо не находил в Нем вины, но обличал ослепленных злобою иудеев.

Он думал, что, так называя Иисуса, он возбudit к Нему симпатию, но это только подлило масло в огонь, и на этом впоследствии сыграли коварные первосвященники. Сейчас же они все закричали: *Не Сего, но Варавву!* (Ин. 18, 40). Народ знал, что Варавва был известный разбойник, кровь проливал, что он был посажен в темницу за произведенное в городе возмущение и убийство, но, научаемый архиереями, испрашивал его, Праведника же отвергал.

И после этого Пилат делает неожиданный, нелогический, противоречащий и римскому праву, и справедливости, и даже здравому смыслу вывод: *Итак, наказав Его, отпущу* (Лк. 23, 16). Если доказана невиновность, то за что наказывать?! Как говорит преподобный Ефрем Сирий, правитель хотел меньшим наказанием избавить Его от большего — смерти — и спасти неповинного Страдальца.

Тогда Пилат взял Иисуса и велел бить Его (Ин. 19, 1).

Так Пилат стал «судией неправедным» (как назвала его Церковь), пошел на дело явно несправедливое, противоречащее иудейской совести, — чтобы не обострять отношений с синедрионом и кончить это неважное, с его точки зрения, дело сравнительно легким наказанием какого-то мечтателя-простолюдина. Так Пилат фактически сделал свой выбор, хотя обманывал сам себя, что этим он спасает Иисуса от казни. А, может быть, и действительно надеялся, что обвинители этим удовлетворятся.

Бичевание, которому Пилат велел подвергнуть Иисуса, в угоду синедриону и озверевшей толпе, назначалось у римлян за тяжкие преступления, и притом большей частью для рабов. Бичи делались из веревок и ремней, и концы их имели костяные и металлические наконечники. Число ударов зависело от числа бичующих воинов и их усердия. Истязание это было настолько мучительно и опасно для жизни, что многие под бичами умирали. Такому-то наказанию Пилат подверг Того, в Ком не находил никакой вины!

С первых же ударов тело разрывалось, и кровь обильно текла из ран. Иисус, как Человек, страдал от этой ужасной пытки, но ни стопа, ни жалоба Его никто не услышал.

После избиения воины *собрали на Него весь полк* (Мф. 27, 27) и стали глумиться над Ним. Исполнилось слово Давида: *поношение безумному дал Мя еси* (Пс. 38, 9), — ибо воины поступали с Ним достойно себя, как люди безумные. Они одели Его в багряницу — Того, Кто одевается *светом яко ризою* (Пс. 103, 2), возложили Ему на голову венок из терна, колючего кустарника, дали в руку трость, и становясь пред ним на колени, насмеялись над Ним, говоря: *радуйся, Царю Иудейский!* (Мк. 27, 28—29). Плевали на Него, прямо в пречистое лицо Его, били Его по голове тростью, от чего колючки терна еще более врезались в главу и причиняли сильнейшую боль.

Так происходило шутовское коронование Господа на престол Давида, отца Его: трость — вместо скипетра, терновый венец — вместо царского венца. Иосиф Флавий в «Иудейских древностях» говорит о такой подробности облачения иудейского первосвященника: на голове его узорный фиолетовый плат поддерживался золотым тройным венцом, к которому прикреплена была «золотая чашечка, похожая на почку цветка из двух полукругов. Второй полукруг такой правильной формы, что его можно принять за выточенный. По нему тянется складка цветка... Они похожи на шипы терновника и оканчиваются тонкими, крайне острыми иглами».

Но откуда в претории Пилата взялась багряница? Когда в иерусалимских археологических раскопках нашли преторию Пилата, то в ней обнаружили каменную игральную солдатскую доску. Подобные доски попадались в раскопках казарм римских воинов и в других странах. Эта игра напоминала игру в кости. Доска имела желобки. Их общий рисунок изображал дерево, оно и называлось «деревом жизни». Бросались кости, и выигравший получал возможность один день быть царем. Его облачали в багряницу, становились перед ним на колени, исполняли его желания, а на следующий день убивали. Всякий мог его убить. На случай этой игры и хранилась багряница. Вот она и пригодилась для смертельной игры над Царем Иудейским. Воины знали, что в Риме жестоко расправлялись с пленными царями; иудеев же они не любили и презирали, поэтому с удовольствием потешались над отданным им на избиение Иудейским Царем, над Тем, кто вмещал в себя полноту любви ко всем людям, и даже к этим ослепленным грехом истязателям, не ведавшим, что творят.

Пилат вошел к воинам, остановил издевательство и вывел Иисуса к иудеям, окровавленного, избитого, в терновом венце и багрянице. Смотри прозорливыми очами на Божественного Страдальца пророк Исаия взывал: *Якоже ужаснутся о Тебе мнози, тако обезславится от человек вид Твой, и слава Твоя от сынов человеческих* (Ис. 52, 14).

Се, извожду Его вам вон, да разумеете, яко в Нем ни единый вины обретаю, — сказал Пилат (Ин. 19, 4). — Смотрите мол, как я наказал Его. И что-то в последний раз дрогнуло в Пилате. Он увидел нечто великое в этом измученном Человеке, сохранившем достоинство и в унижении. И Пилат опять на все века сказал, указывая на Него: *Се, Человек* (Ин. 19, 5). Все страдания человечества, но и все высокое, что есть в человечестве, было в Иисусе Христе, и Пилат попытался раскрыть на это глаза народу, как бы говоря: никакой Он не возмутитель и не злодей, и если вы ставите Ему в вину, что Он называет Себя Царем, то вот мои воины надругались над Ним. Теперь примите Его. Пусть Он не Царь, но Он же Человек!

Се, Человек! — вот истинный человек, таким должен быть человек, таким Адам был в раю. И в самом первом человеке до падения видно изображение Христа — второго Адама (1 Кор. 15, 45—47). Имя Адама означает чермный (красный). *Кто это,* — говорит Исаия — *пришедший от Эдома, в червленых ризах от Восора?* (Ис. 63, 1). Христос обагрил одежду человеческого в Себе естества кровью в страдании. Адам по происхождению от неба и земли; Христос Божеством — от Неба, человечеством — от земли. Тот имеет образ и подобие Божие, — Сей сияние Отчее. Тот невинен и непорочен до падения; Сей Свят и праведен.

Егда же видеша Его архиереи и слуги, бессмысленно и яростно кричали, требуя: Распни, распни Его (Ин. 19, 6). Ибо сердца их душила сатанинская злоба, и раздражало их

еще то, что Пилат не хочет осуждать, не принимает наговоры, а, наоборот, оправдывает Его. Пилат же, в свою очередь, не ожидал от них, кичившихся своей праведностью и близостью к Богу, такого жестокосердия и иступленной ненависти. Теряя терпение, он сказал им: Если вы так упорно добиваетесь смерти Его, то *поймите Его вы* и, если хотите, сами *и распните. Аз бо не обретаю в Нем вины* (Ин. 19, 6).

И тут иудеи были вынуждены явить истинную причину, почему они добиваются казни от Пилата: *Мы закон имамы, и по закону нашему должен есть умереть, яко Себе Сына Божия сотвори* (Ин. 19, 7). Прежде они обвиняли Его в том, что Он выдает Себя за Царя; а теперь, когда эта ложь изобличена, обвиняют Его в том, что Он выдает Себя за Сына Божия. И в чем тут вина? Если Он творит дела Божии, почему не может быть Сыном Божиим?

Пилат же, услышав одно только слово, что Он Сын Божий, убоился. А они видели Божеские дела Его, однако предают Его смерти за то самое, за что нужно было поклоняться Ему.

Пилат не знал всей величайшей тайны Мессии, Царя Иудейского. Он не знал Того Бога, о Котором говорили первосвященники, поэтому Он не мог верить в Него. Он, пожалуй, не верил и в своих языческих богов. Но это самое неверие в своих богов невольно пробуждало в нем мысль о Неведомом Боге. Римляне относились с некоторым уважением к чужим религиям и даже помещали статуи чужих богов в своем Пантеоне. А апостол Павел у язычников в Афинах нашел жертвенник, на котором было написано «неведомому Богу» (Деян. 17, 23).

И Пилат опять вошел в преторию и сказал Иисусу: *откуда еси Ты?*— От кого Ты приходишь? От Бога или от людей, как все? *Иисус же ответа не даде ему* (Ин. 19, 9). Знал Господь, что Пилат не сможет принять всей истины. Он отдал Себя добровольно на суд, истязание и смерть, как Человек, а не как Бог. И если первосвященники с книжниками и фарисеями не могли понять Его Божественного происхождения, то мог ли вместить эту тайну язычник?

И тут по гордости Пилат произнес слова, которые обличили его самого: *Мне ли не глаголеши? не веси ли, яко власть имам распяты Тя, и власть имам отпустить Тя?* — Если все зависело от тебя, почему же ты не отпустил Того, Кого нашел невиновным? Отвеща Иисус: *не имаши власти ни единыя на Мне, аще не бы ти дано свыше. Более греха на том, кто предал Меня тебе* (Ин. 19, 10—11). В словах Спасителя была заключена власть Судии, Которому ведома мера греха каждого, кто участвует в происходящем беззаконии. Итак, Пилат осудил самого себя, ибо имел власть отпустить. Поистине *от словес своих оправдишися, и от словес своих осудишися* (Мф. 12, 37).

В это время суда над Иисусом его супруга послала ему сказать: *не делай ничего Праведнику Тому, много бо пострадах днесь во сне Его ради* (Мф. 27, 19). Евангелие не называет ее имени, церковное предание свидетельствует, что ее имя было Клавдия Прокула, или Проскула. Она во сне видела видение, как говорят толковники, что за богоубийство Иерусалим будет разрушен, храм уничтожен, многие иудеи будут наказаны и сам Пилат умрет недоброй смертью.

В журнале «Домашняя беседа» за 1861 год, вып. 16, был опубликован рассказ Эвелины Риббекур «Кончина Праведника» на Евангельскую тему. Этот рассказ представляет собой письмо Клавдии Прокулы, жены наместника Иудеи проконсула Понтия Пилата. Из письма мы узнаем, что Клавдия Прокула, родом из Нарбона, в 16 лет была соединена узами брака с римлянином Понтием, потомком древнего и знаменитого дома, занимавшим тогда в Иберии важное правительственное место. После совместного пятилетнего проживания Понтий был назначен проконсулом Иудеи.

В Иерусалиме Прокула познакомилась с семейством начальника синагоги Иаира и находила большое удовольствие в посещении его супруги Саломии, образца добродетели, и их двенадцатилетней дочери Семиды. Они и познакомили ее с Богом Иакова, Богом отцов своих, Богом Единым, Вечным.

«С некоторого времени, — пишет в своем письме Прокула, — Семида была нездорова, и в одно утро она скончалась без предсмертного томления в объятиях матери. При этой ужасной вести, я поспешила к ним. Дойдя до улицы, на которой они жили, я заметила флейтщиков, певцов и толпы народа, теснившихся вокруг дома. Но толпа вдруг стала расступаться перед группой идущих, на которых она смотрела с удивлением и почтительным любопытством. В первом из этой группы я узнала отца Семиды, но вместо горести его почтенное лицо выражало глубокое убеждение, странную надежду, для меня непонятную. Подле него шли три человека, бедно одетые, простой и грубой наружности. За ними, завернувшись в мантию, шел Муж, волосы Его ниспадали по плечам, как у жителей Назарета, а лик, как мне казалось, сиял лучами солнца. Я последовала за ними.

Семида лежала на одре, Саломия сидела подле нее безмолвная, почти лишенная чувств; она, казалось, даже не замечала нас. Иаир, указывая на дочь, бросился к ногам Незнакомца, с надеждою взирая на Него. Взгляд мой как бы приковался к каждому движению Незнакомца. Но Он выслал всех посторонних из того покоя, где находилась умершая, и, — как потом мы об этом узнали, — взял руку Семиды, устремив на нее Свои полные доброты и милосердия взоры, произнес: "Девица, тебе говорю, встань". И возвратился дух ее. Она встала!..

Семида приподнялась на своем ложе, поддерживаемая невидимой рукой, глаза ее открылись, нежный цвет жизни расцвел на ее лице. Увидев мать, она протянула к ней руки и позвала: "Матушка!" Этот зов пробудил Саломию, и она нежно обняла дочь, не смея поверить великому чуду. А Иаир, простершись на земле и осыпая поцелуями края одежды Того, Кого называл Учителем, повторял: "Что мне делать, чтобы служить Тебе, чтоб получить жизнь вечную?" — "Исполнять два правила закона: любить Бога и человек!" Сказав это, Он предупредил, что не желает, чтобы кто-либо знал о воскрешении.

Я возвратилась домой под большим впечатлением, а то блаженное утешение, которое обрела, невозможно описать. За вечерним столом я рассказала Понтию все, чему была свидетельницей. Он поник головой и сказал: "Ты видела Иисуса Назаретского. Он предмет ненависти фарисеев, саддукеев, партии Ирода и гордых левитов храма. Каждый день увеличивается эта ненависть, и мщение их висит над главой Его, а, между тем, речи Назарянина есть речи Мудреца, и чудеса Его — чудеса Истинного Бога". — "За что же они Его ненавидят?" — "За то, что Он обличает их пороки и лицемерие. Я слышал Его в один день. «Убеленные гробы, порождения ехидны, — говорил Он фарисеям, — вы взваливаете на рамена братьи ваших ноши, до которых сами не хотите коснуться концом пальца! Вы платите подати за травы, за мяту, за тмин, но нимало не заботитесь об уплате должного законам веры, правосудию и милосердию. Вожди слепых, оцепивающие комара, а верблюда поглощающие! Вы только по наружности кажетесь людям праведными, а внутри исполнены лицемерия и беззакония; вы любите предвозлежания на пиршествах, и председания в синагогах, и приветствия на площадях, и чтобы люди звали вас: учитель, учитель!» Смысл этих речей глубокий и истинный, они раздражили этих надменных людей". — "Ты здесь имеешь полную власть, надеюсь, будешь защищать Его". — "Моя власть ни что иное, как призрак, пред этим мятежным и коварным народом... А между тем я буду душевно страдать, если потребуют пролить кровь *Этого* Мудреца". С этими словами Понтий встал и вышел.

День пасхи приближался; на этот праздник, столь важный у евреев, стекается в Иерусалим бесчисленное множество народа со всех концов Иудеи для принесения в храме торжественной жертвы. В четверг, предшествовавший этому празднику, Понтий сказал мне с горестью: "Будущность Иисуса Назарянина очень неутешительна: голова Его оценена, и сегодня же вечером Он, может быть, будет предан в руки архиереев".

Когда настал час успокоения и я легла спать, таинственные грезы овладели моим воображением. Я видела Иисуса, видела Его таким, как Саломия описывала мне Своего Бога: лик Его блистал как солнце, Он парил на крыльях Херувимов, пламенных исполнителей повелений Его; остановясь в облаках, Он казался готовым судить племена и народы, собранные у Его подножия. Мановением Своей десницы Он отделял добрых от злых; первые, сияющие вечной юностью и Божественной красотой, возносились к Нему, а вторые низвергались в бездну огня. И когда Судия, указывая им, низвергавшимся, на раны, покрывавшие Его тело, говорил громовым голосом: "Воздайте кровь, которую Я пролил за вас!" — тогда эти несчастные просили у гор покрыть их и у земли поглотить их... Тщетно! Они чувствовали себя бессмертными для мук, бессмертными для отчаяния. О!.. какой сон или, вернее сказать, какое откровение!..

Лишь только заря зарумянила вершины храмов, я встала с сердцем, еще сжатым от ужаса. Вдруг мне послышался страшный рев из центра города; этот гул бесчисленной толпы приближался более и более и стал доноситься с мраморной лестницы, ведущей в претор. Мучимая неизвестностью, я побежала к мужу. Дойдя до внутренней двери судилища и

слыша за нею голоса, не осмелилась войти, а приподняла только пурпуровый занавес. И какое зрелище...

Понтий сидел на своем троне из слоновой кости, во всем великолепии, коим Рим окружает своих представителей; но под бесстрастным выражением, которое он старался придать своему лицу, я угадала страшное волнение. Пред ним со связанными руками, в изодранной насилием одежде, с окровавленным челом стоял Иисус Назаретский, спокойный, неподвижный; в Его чертах не было ни гордости, ни страха; Он был тих, как невинность, покорен, как агнец. Но Его кротость наполняла меня ужасом, потому что мне слышались еще слова моей грезы: "Воздайте кровь, которую Я пролил за вас!"

Вокруг Него бесновалась презренная толпа, привлекая Его на судилище; к ней присоединилось несколько стражей, некоторые из духовенства и фарисеев с дерзкими взглядами. Последних легко было узнать по пергаментным табличкам, с начертанием различных текстов закона, которые они носили на лбу. Все эти страшные лица дышали ненавистью; казалось, что адское пламя отсвечивается в этих глазах и что духи ада смешивали свои голоса с дикими криками неистового бешенства. Наконец, по знаку Понтия, водворилось молчание. "Чего вы от меня хотите?" — спросил он. — "Мы требуем смерти этого Человека! — отвечал один из священников от лица народа. Ирод послал Его к тебе для произнесения приговора". — "В чем же состоит Его преступление?" При этом вопросе снова раздались крики: "Он предсказывает разрушение храма! Он называет себя Царем Иудейским, Христом, Сыном Божиим!" "Он оскорбляет архиереев, сынов Аарона", — добавляли левиты. "Распят Его, распят!" — повторял рассвирепевший народ».

«Эти вопли смертные, — писала Клавдия в письме, — до сих пор раздаются в ушах моих, и образ Непорочной Жертвы с той минуты непрерывно представляется глазам моим!.. Понтий спросил Иисуса: "Ты Царь Иудейский?" "Ты говоришь" — отвечал Он. Первосвященники обвиняли Его во многом, но Иисус не отвечал ни слова. Вопли возобновились пронзительнее прежнего, как рыкания голодных тигров: "Отдай Его на Крест!" Понтий заставил их наконец замолчать и сказал: "Я не нахожу ничего преступного в этом Человеке и хочу отпустить Его".

Я не могла больше слушать и послала невольника к моему мужу, прося у него минуты свидания. Понтий немедленно оставил судилище и пришел ко мне. Я бросилась пред ним на колени: "Ради всего, что тебе дорого и свято, не будь участником в смерти этого Праведника, подобного богам бессмертным! Я видела Его в эту ночь в чудном сне, облеченного Божественным величием. Он судил людей, трепетавших пред Ним, и между тенями несчастных, низвергнутых в бездну пламени, я узнала лица тех, которые теперь требуют Его смерти; берегись же поднять на Него святотатственные руки. О! Верь мне, одна капля этой крови запечатлеет на веки твое осуждение!" "Все что происходит, ужасает меня самого, — отвечал Понтий, — но что я могу сделать?.. Римская когорта очень немногочисленна, и эта защита слишком слаба против этого народа, как бы вдохновляемого демонами. Гибель угрожает нам; от суда этого ждут не правосудия, а мщенья". С этими словами он вышел и в раздумье возвращался на свое седалище.

Оставшись одна, я предалась отчаянной горести. Иисус был еще пред судом и служил предметом насмешек, оскорблений черни и воинов, порывы которых равнялись разве Его неодолимому терпению. При появлении Понтия крики раздались сильнее прежнего.

По священному временем обычаю, правитель на праздник пасхи освобождал всегда одного из осужденных на казнь; в знак благотворения и милосердия в этом богоугодном деле он всегда обращался к выбору народа. Видя, может быть, в этом обстоятельстве возможность спасти Иисуса, Понтий сказал громким голосом: "Которого отпустить вам на праздник, Варавву или Иисуса, называемого Христом?" — "Отпусти Варавву!" Варавва был грабитель и убийца, известный всей окрестности своими жестокостями. Понтий снова спросил: "Что же мне делать с Иисусом Назаретским?" — "Да будет распят!" — "Но какое же зло Он сделал?" Увлеченная яростью толпа повторила: "Да будет распят!"

Беспрерывно возрастающая дерзость черни, казалось, угрожала власти Понтия, власти имени Римского, которой он так дорожил, и которая в Иерусалиме не имела другой защиты, кроме своей славы, ибо весьма немногие воины присягнули орлам нашим. Понтий Пилат опустил голову в отчаянии. Волнение увеличивалось с каждой минутой, спокойствия не было нигде. Оно обитало только на величественном челе Жертвы; оскорбления, пытки, приближение позорной и мучительной смерти — ничто не могло отуманить этого небесно-ясного взгляда. Эти очи, возвратившие жизнь дочери Иаира, обращались на Своих палачей с неизъяснимым выражением мира и любви; Он, без сомнения, страдал, но страдал радостно, казалось, душа Его улетала к невидимым престолом, как чистое пламя святого всеожожения.

Претория была наводнена народом, и каждую минуту новые голоса присоединялись к этому адскому хору. Муж мой, утомленный, испуганный, уступил наконец... О, вечно пагубный час! Понтий встал, сомнение и мертвенный ужас изображались на его лице,

символическим жестом он омочил руки в урну, полную воды, и воскликнул: "Я невиновен в крови этого Праведника!" "Да падет она на нас и детей наших!" — завопил безумный народ. И палачи, столпясь вокруг Иисуса, повлекли Его. Горькими слезами я провожала Жертву, уже ведомую на заклание... Тут у меня вдруг потемнело в глазах, сердце судорожно сжалось, казалось, что я рассталась с жизнью...

Опомнилась уже на руках моих женщин возле окна, выходившего на двор судилища; взглянув туда, я увидела свежие следы пролитой крови. "Здесь бичевали Назарянина", — сказала одна из невольниц. "А там венчали Его тернием", — продолжила другая. "Воины насмеялись над Ним, называя Его Царем Иудейским, и били его по ланитам; теперь Он испускает дух", — заключила третья. Подробности ужасного злодейства, подобно кинжалу, пронзали мое сердце. По невыносимой боли в сердце я чувствовала, что было нечто сверхъестественное в событиях этого злополучного дня. Огромные облака в ужасающих призраках носились над землею, и из их сернистых недр вылетали бледные молнии; город, столь шумный в продолжении утра, был угрюм и безмолвен, как будто смерть распростерла над ним свои черные крылья. К девятому часу дня мрак сгустил воздух, ужасное сотрясение всколебало землю, все трепетало; можно было подумать, что мир разрушается и стихии возвращаются в прежний хаос.

В это время одна из моих женщин, иудейка по рождению, вошла в комнату; бледная, отчаянная, с блуждающими глазами, она вскричала: "Настал последний день! Бог возвещает это чудесами! Завеса храма, скрывавшая святое святых, распалась на двое. Горе месту святому! Говорят, что и гробы открылись, и многие видели восставших праведников, погибших в Иерусалиме, пророков и священников от Захарии, убиенного между храмом и жертвенником, до Иеремии, предсказывавшего падение Сиона. Мертвые возвещают нам гнев Божий! Кара Всевышнего разливается с быстротой пламени"...

Собрав все силы, я вышла на лестницу и встретила сотника, участвовавшего в казни Иисуса. Этот сотник, старый служака, поседевший в боях с германцами и спартанцами, в эту минуту был расстроен, он прошел мимо меня, повторяя в полголоса: "Тот, Кого мы умертвили, был Истинный Сын Божий"...

Понтий сидел в большой зале, закрыв лицо руками; подняв голову при моем появлении, он сказал в отчаянии: "Ах! Зачем я не послушался твоих советов, Клавдия? Зачем я не защитил этого Мудреца ценою жизни своей? Мое разбитое сердце уже не вкусит более покоя!"

Что мне было отвечать, когда у самой не было утешения для этого несчастья, навеки заклеившего нас печатью гибели?.. Молчание прерывалось только раскатами грома, страшно отдававшимися под сводами дворца. И, несмотря на эту бурю, какой-то старик появился у входа в наше жилище; он со слезами бросился к ногам моего мужа говоря: "Имя мое Иосиф Аримафейский, я пришел умолять тебя позволить мне снять с Креста тело Иисуса и погребсти Его в саду, мне принадлежащем". — "Возьми", — отвечал Понтий, не поднимая глаз. Старец вышел; я видела, что к нему присоединилась группа женщин в длинных покрывалах. Так кончился этот роковой день.

Иисус был погребен в пещере, вырытой в скале, у входа в пещеру поставили стражу. А в третий день Он, сияющий славой и победой, явился над этим гробом!.. Он Воскрес, исполнив Свое предречение, и, торжествуя над смертью, предстал Своим ученикам. Своим друзьям. Так свидетельствуют о Нем ученики, утверждая достоверность своею кровью пред тронами князей и судей. Но лучшее о том свидетельство есть учение Иисуса, вверенное нескольким рыбакам Тивериады, людям простым, смиренным, неизвестным, вдруг ставшим красноречивыми и мужественными. И это учение распространилось уже во всей империи; новая вера возрастает как тенистое дерево, которое некогда покроет имя, религию и славу римлян.

С того времени ни в чем нет успеха моему мужу. Обвиненный в своем поступке Сенатом и самим Тиверием, добыча ненависти иудеев, презираемый теми, коих страстям послужил, он влачит жизнь, полную тягости к мучения. Я оставалась почти одна. Саломия и Семида смотрели со страхом на жену преследователя, гонителя и палача их возлюбленного Господа, ибо они сделались ученицами Того, Кто возвратил их друг другу. Я углубилась в моем одиночестве в непрерывное изучение наставлений Иисуса, переданных мне в отрывках Саломией и списанных мною. О, как ничтожна суетная мудрость жрецов наших в сравнении с этим учением, которое один только Бог мог завещать земле! Как глубоко мудры эти речи, как они дышат миром и благостью!.. Перечитывать их есть мое единственное утешение.

Через несколько месяцев Понтий был лишен своей власти; мы возвратились в Европу и, блуждая из города в город, влачили за собою по всей империи скорбь возмущенной и истомленной отчаянием души. Я последовала за ним, — жена Каина, говорили евреи, последовала за своим изгнанным мужем. Но какова жизнь моя с ним!.. Дружба, доверчивость

супружеская не существует более между нами; он видит во мне свидетеля, живое воспоминание своего преступления; я вижу воздвигающийся между нами образ окровавленного Креста, на коем он, судия беззаконный, пригвоздил Невинного и Праведного. Я не смею поднять на него глаз, а звук его голоса, произнесшего приговор, леденит мое сердце; и когда после стола, он совершает омовение, мне кажется, что он погружает руки не в чистую воду, но в дымящуюся кровь, следы которой не могут изгладиться.

Скоро сын мой умер, и я не оплакивала его... Счастливец! Он умер блаженным, потому что избавился от проклятия, преследующего нас, он свергнул с себя страшную ношу имени отца своего! Несчастья всюду бегут за нами, ибо уже везде, даже в этой дикой стране, есть христиане. И здесь я слышу, с каким отвращением произносится имя моего мужа!.. Я узнала, что апостолы, прощаясь друг с другом пред отправлением на проповедь Евангелия, начертали в изъяснении своей веры, следующие страшные слова: "Он распят за нас при Понтийском Пилате" — ужасная анафема, которую будут повторять века и века!..»

Впоследствии, по церковному преданию, Прокула окончила свою жизнь мученичеством за Христа.

После того, как супруга Пилата предупредила его не делать Праведнику Сему никакого вреда, он окончательно решается отпустить Иисуса Христа.

Тогда иудеи поднялись на самого Пилата как на личность, не заслуживающую доверия римского царя и права быть правителем, *вопияху, глаголюще: аще Сегопустиши, неси друг кесарев. Всяк, иже царя себе творит, противится кесарю* (Ин. 19, 12). Пилат, слышав сие слово, *изведе вон Иисуса и седе на судищи, на месте глаголемем Лифостротон, еврейски же Гаввафа. И глагола иудеом: се, Царь ваш!* (Ин. 19, 13—14).

Вдумайтесь, что же произошло? Пилат, услышав обвинение против себя, вывел Иисуса Христа, сел на *судищи*, то есть сел как судия на судейское место, как полноправный правитель, наместник римского императора. (До сих пор не садился на судейское место). Перед ним стояли вожди народа иудейского, первосвященники, старейшины, члены синедриона и их слуги. Было около полудня. Наступал вечер иудейской пасхи, когда иудеи должны были заколоть пасхального агнца, то есть был канун пасхи. И вот в это, уже самое последнее время Пилат-язычник еще раз *глагола иудеом: се, Царь ваш!* Судия Пилат судит иудеев!

Они же *вопияху: возьми, возьми, распни Его*. Глагола им Пилат: *Царя ли вашего распну?* — *Не имамы царя, токмо кесаря,* — отвечали первосвященники (Ин. 19, 15—16).

Было время, когда первосвященники говорили: «Нет у нас иного Царя, кроме Бога». А теперь они произнесли над народом еврейский вечный приговор: никогда не иметь иного царя, кроме кесаря, т. е. вечно быть в изгнании, всегда подчиняться царям тех народов, среди которых евреям придется проживать, вечно повторять: «Нет у нас царя, кроме кесаря!»

Пилат должен был выбирать. Они признали над собой власть только римского кесаря, а он сам давал им другого царя: либо защитить Неповинного, используя свою власть, и соблюсти римские законы, самому же быть под нареканием и обвинением, либо уступить иудейским начальникам и самому избавиться от их наговора, но тогда нарушался римский закон (нельзя казнить неповинного).

Себялюбие превозмогло. Слова иудеев, обвинявших Пилата в нелояльности к кесарю, прекратили все его усилия отпустить Иисуса. Он принял решение осудить на жестокую казнь невинного Человека, грубо нарушив римские законы. Несчастье его было в том, что он послал на позорную смерть Узника тогда, когда уже увидел в Нем не только невинно обвиняемого, но и Праведника (см. Мф. 27, 24).

Стесняемый обстоятельствами, злополучный правитель Иудеи прибег к последнему оставшемуся у него средству. Для успокоения встревоженной совести и для оправдания перед всеми своего кажущегося беспристрастия он потребовал воды и умыл перед народом руки, сказав: *Невиновен есмь от крове Праведного Сего, вы узрите* (Мф. 27, 24). Это был древневосточный обычай, когда правитель объявлял то, что этот осужденный — неповинный человек и что только ради злобы просящих он предает его на волю их, на смерть.

В ответ весь народ сказал: *Кровь Его на нас и на чадех наших* (Мф. 27, 25).

Трижды предлагал им Пилат отпустить Иисуса, и три раза они кричали против Христа. *И превозмог крик их и первосвященников* (Лк. 23, 23), и они отреклись от Святого и Праведного, а выпросили даровать им человекоубийцу.

Понтий Пилат проявил слабость и малодушие, а должен был постоять за правду, проявить твердость, защищая истину. Известно, что когда иудеи хотели предать смерти апостола Павла, то тысячник вышел с воинами из крепости, взял его под свою защиту и увел от злобных иудеев. Затем он взял большой конный отряд и пеших воинов и отвел ап. Павла в безопасное место. И Пилат имел много воинов, и он мог принять такие же меры, мог бы разогнать злобствующих иудеев, взять под охрану Господа и спасти Его от смерти. Но такова была воля Божия. Господь пришел ради народа, чтобы умереть за него. Поэтому Он все попустил до конца.

По представлениям евреев, попрание правды — осуждение невинного — было тяжким оскорблением Бога, требовавшим искупления общими бедствиями. Убиение Мессии должно было вызвать бедствия страшные и непоправимые, предсказанные пророком Даниилом. Пророчество сбылось в 70-м году, когда римские легионы Тита до основания разрушили Иерусалим. «Войска не имели уже кого убивать и грабить, — пишет Иосиф Флавий в "Иудейской войне". — Ожесточение не находило уже предмета мести, так как все было истреблено беспощадно. Тогда Тит приказал весь город сравнять с землей... стены города разрушители так сравнивали с поверхностью земли, что посетитель едва ли мог признать, что эти места некогда были обитаемы».

Господь предсказывал о наказании за отречение и через пророка Иеремию: *Я оставил дом Мой; покинул удел Мой; самое любезное для души Моей отдал в руки врагов его. Удел Мой сделался для Меня как лев в лесу; возвысил на Меня голос свой: за то Я возненавидел его* (Иер. 12, 7—8). И через Осию: *Горе им, что они удалились от Меня; гибель им, что они отпали от Меня! Я спасал их, а они ложь говорили на Меня. Падут от меча князья их за дерзость языка своего* (Ос. 7, 13, 16).

Что же стало с судьями? Имена Анны и Каиафы в Священном Писании последний раз упоминаются в книге Деяний святых апостолов (Деян. 4, 6). Вскоре после сошествия на апостолов Святого Духа в праздник Пятидесятницы апостолы Петр и Иоанн, идя в храм, встретили хромого от рождения, которого апостол Петр исцелил именем Иисуса. Дивное чудо вызвало сильное возбуждение в народе. По проповеди апостолов Петра и Иоанна о распятом и воскресшем Иисусе Христе уверовало около пяти тысяч (Деян. Гл. 3 и 4). Взятые под стражу апостолы были приведены на другой день в синедрион и поставлены перед Анной, Каиафой и другими начальниками, старейшинами и книжниками. С той же слепотой и упорным противлением истине они допрашивали Петра и Иоанна, рядом с которыми стоял исцеленный и свидетельствовал о совершившемся чуде. Боясь народа, члены синедриона, пригрозив, отпустили их.

Иосиф Каиафа в 36 году был смещен римским наместником в Сирии Вителлием. Престарелый Анна, по-видимому, раньше других членов синедриона закончил свою земную жизнь и предстал перед судом Иисуса, Которому Отец вверил суд.

Участь тетрарха Ирода Антипы после суда над Иисусом Христом сложилась печально уже здесь на земле. Он был заподозрен в измене, был лишен тетрархии и всех имений. По одним сведениям, он был предан смерти, по другим — умер в изгнании.

Приговор, которого, по римскому законодательству, требовало любое судопроизводство, был произнесен над Иисусом во дворце Пилата, на лифостротоне. Церковное предание сохранило даже и слова приговора: «Иисуса Назарянина, человека мятежного, презрителя кесаря, как доказано старейшинами Его народа, отведите посреди двух разбойников на обычное место казни и, за посмеяние царского величия, между двух разбойников ко кресту пригвоздите. Ступай, палач, приготовь кресты!»

Итак, смертный приговор был объявлен, и оставалось только одно — исполнить его... Пилат, как мы видим, напрасно умывал свои руки: он умывал их не от крови, а в крови Праведника.

Своим незаконным приговором он, как говорил премудрый Соломон, лишь утвердил незаконное слово, которое *неправо умствующие говорили сами в себе: «устроим ковы праведнику, ибо он в тягость нам и противится делам нашим, объявляет себя имеющим познание о Боге и называет себя сыном Господа; он пред нами — обличение помыслов наших. Увидим, истинны ли слова его, и испытаем, какой будет исход его; ибо если этот праведник есть сын Божий, то Бог защитит его и избавит его от руки врагов. Испытаем его оскорблением и мучением, дабы узнать смирение его и видеть незлобие его; осудим его на бесчестную смерть, ибо, по словам его, о нем попечение будет». Так они умствовали, и ошиблись; ибо злоба их ослепила их...* (Прем. 2, 1, 12—14, 17—21).

С лифостротона, который находился на возвышении, измученный и поруганный Сын Человеческий был выведен на улицу, чтобы идти на Голгофу. Здесь уже ожидал Его Крест; два разбойника, приговоренные вместе с Иисусом, стояли здесь же со своими крестами. Агнец Божий, принесенный в жертву от сложения мира, должен был Сам, как когда-то Исаак, нести крестное древо для Своего всеожождения. И вот вся процессия двинулась по улице, которая с той поры получила название Страстной, или Крестный, путь.

И у евреев, и у римлян был закон, по которому осужденный на смерть преступник лишаем был жизни не тотчас после смертного приговора, а через несколько дней; в эти дни глашатай всенародно объявлял, что такой-то за такое-то преступление будет казнен, и вызывал всякого, кто хотел защитить его. Но для Господа не было и этого снисхождения: Он тотчас же был предан воинам на распятие.

Так свершился суд людской над Божественной Правдой. Греховный мир, погрязший во зле, не мог перенести этой Правды и восстал на Нее; и в этом восстании проявилась отчаянная борьба зла за удержание своего векового господства над людьми. И если зло не в силах победить Божественную Правду, то все-таки в этой ожесточенной борьбе Глашатай Правды, как Человек, должен был быть не побежден, нет, а умерщвлен. Смерть Его предвидели и предвещали вдохновленные Богом пророки. Даже лучшие люди из язычников понимали, что против Правды, если она когда-либо осуществится в Человеке, ополчится почти весь мир людской; так, например, греческий мудрец Платон, за триста лет до явления Христа, говорил, что если когда-нибудь явится на земле Праведник, то Его будут бичевать, мучить, свяжут и, после всевозможных поруганий, пригвоздят к столбу. И в этой смерти Вестника Божественной Правды зло дерзало торжествовать свою победу; но оно ошиблось: смерть эта и победила зло! Только после смерти и воскресения Христа люди поняли, хотя не все и не сразу, что они восстали против Самого Бога; сознав это, они познали волю Божию и подчинились ей; они поняли, что, страдая и умирая на кресте, Христос Сам добровольно, согласно с волею Отца, принес Себя в жертву за грехи человечества и что жертва эта стала для них искупительною.